

DOI: 10.46698/VNC.2020.44.47.001

БОРИС МЫСЫККАТЫ

**АРКАН В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
АЛАН-ОСЕТИН****О применении аркана ираноязычными кочевниками
скифо-сарматского мира**

Античные авторы единодушны в том, что племена обитающие в Скифии и Сарматии являлись великолепными наездниками и мастерами в особой конной дисциплине: в искусстве на полном скаку набрасывать аркан на своих врагов.

Если вспомнить скифский обычай поощрять воинов, доказавших, что они убили врагов (Геродот, История IV, 64; 66), а также обычай савроматских амазонок выходить замуж только после убийства трех врагов, то именно аркан окажется оптимальным оружием для того, чтобы довольно легко принести вождю труп убитого врага для доступа к дележу добычи, либо живого пленника для получения выкупа или продажи его в рабство. Последнее стало особенно актуально в эпоху, когда воинские элиты стали облачаться в тяжелые панцирные доспехи, что означало возможность взять в плен воина, а то и царя, способного заплатить за свободу огромный выкуп. По этому поводу римский военный историк и теоретик Вегеций писал, что *«Катафракты (панцирные всадники) вследствие тяжелого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен: их ловят арканами»* (Краткое изложение военного дела III, 23).

Согласно латинскому автору IV в. Гегесиппу аланы — *«народ свирепый и долго не известный нашим»*, весьма *«искусны в сражении накинуть аркан и опутать врага»* (*laqueos iacere atque hostem innectere ars Alanis bellandique mos est*) (V, 50). То же упоминает и его первоисточник Иосиф Флавий, описывающий набег алан на Армению в I в. н. э., во время которого армянский царь Тиридат едва ли не был схвачен аланом, набросившим на него аркан. *«Производя грабеж с легкостью и не встречая сопротивления, они, производя опустошение, достигли Армении. Здесь правил Тиридат, который выступил против них и дал сражение, но едва избежал пленения во время битвы, ибо враг, набросив издали аркан (βρόχος), утащил*

бы его с поля брани, если бы тот не сумел сразу же перерубить веревку мечом и спастись бегством» (Иудейская война 244–251). То же самое передает Кассиодор в своем переводе «Иудейской войны» (*procul enim quidam misso laqueo circumdatum tracturus fuerat nisi celeriter gladio rupisset laqueum atque ita fugisset*) (Bell. Iud. VII, 42). Армянский историк Иоанн Мамиконян в VIII в. повествует о набеге «северян» на Армению и о том, что во время поединка предводителей, вождь «северян» накинул аркан на царя Армении, повернул коня и поскакал обратно, однако Трдат, чтобы его не вырвали из седла, направил коня вслед за врагом (История Таврона XXIV) [Нефёдкин 2011: 181].

Мовсес Хоренаци повествует о племени басилов, обитавшем в при-волжских степях, вторгшемся в III в. через Дербентский проход в Армению. О царе басилов, под которыми вероятно следует видеть восточных алан или роксолан, армянский автор пишет, что: *«царь басилов подбирается к государю, вынимает из-под конского снаряжения аркан из жил, покрытый кожей и, ловко набросив сзади, обхватывает левое плечо и правую подмышку, ибо его рука была поднята для удара мечом»* (История Армении II, 85).

Задолго до появления алан на исторической арене об использовании арканов среди иранских кочевых и полукочевых племен писали многие авторы. Так, к примеру, в скифскую эпоху Геродот повествует о племени саргартиев (Σαγάρτιοι), полукочевом народе, обитающем на северных рубежах Ахеменидской Персии, чьим основным наступательным оружием был аркан из сплетенных кожаных ремешков. *«Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы, на концах которых петля, кого бы петля не захватила — будь то коня, будь то человека, они тащат в свою сторону, и враг, запутанный в аркан, таким образом погибает»* (История VII, 85).

Что же касается собственно скифов, то прямых археологических сведений, указывающих на применение арканов скифами, на данный момент не обнаружено, что и неудивительно в силу органических материалов из которых аркан обычно изготавливался. Отсутствие же арканных блоков или колец указывает, вероятно, на бытование архаичных типов арканов, у которых петли изготавливались особым технологическим способом, из того же материала, что и аркан¹. Тем не менее существуют косвенные изобразительные и

¹ Такие арканы до сих пор бытуют у оленеводов сибиря, например эвенкийский *маут* изготавливается из крученой оленьей кожи, снятой с шеи оленя убитого во время гона, когда шейная кожа утолщается для защиты от ран нанесенных рогами, во время оленьих турниров. Ушко делается специальным способом из одного и того же куска кожи, что и аркан. Вероятно скифские арканы делались аналогичным методом из шейной кожи коней, принесенных в жертву.

письменные источники, указывающие на бытование арканов у скифов. Греко-скифская торевтика богата многими бытовыми деталями скифской жизни, одним из наиболее известных примеров, безусловно, можно считать знаменитую серебряную амфору из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.). На среднем фризе амфоры изображены сцены коневодства и жертвоприношения коня, причем детально сходящегося с письменным описанием этого обряда у Геродота. Отец истории писал в своем труде, что скифы приносили в жертву лошадей особым способом: удушением с помощью петли, накинутой на шею коня (История IV, 60–61). Д.А. Мачинский справедливо видел в данном изображении именно жертвоприношение коня при помощи накиннутых арканов, следы от которых остались на амфоре в виде обломков тонкой серебряной проволоки на шее коня и руках персонажей [Мачинский 1978: 236–237]. Впрочем позы персонажей и коня не вызывают особых сомнений в том, что они применяют именно арканы. Идентичным орудием пользуются и скифы, арканившие коней на боковых изображениях того же чертомлыкского фриза (см. иллюстрации).

Внимание заслуживают еще два изображения на золотых предметах IV в. до н. э.; образ старого воина на конусе из Передериевой Могилы в

Образы скифских коневодов, арканивших лошадей. Серебряная амфора из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.)

Слева изображение старого воина с арканом на туловище (Передериева могила, IV в. до н. э.). Справа жертвоприношение коня методом удушения арканами (крг. Чертомлык, IV в. до н. э.)

Изображение сарматской амазонки, вооруженной топориком-сагарисом, скачущей от врага и набрасывающей на него аркан. Аттический сосуд

Приднепровье, и идентичный персонаж на аналогичном предмете из Сенгилеевского кургана, недавно обнаруженном на Ставрополье. На обоих изображениях видим однотипного персонажа, чье туловище с правого плеча под левую подмышку обернуто многовитковыми петлями, напоминающими веревку или аркан².

Из письменных источников, кроме Геродота, о скифских арканах писал Лукиан Самосатский, перечислявший разные предметы вооружения, которые по его предположению вполне могли быть наравне с акинаком, воплощением скифского бога войны Ареса (Токсарис XXXVIII, 4). Валерий Флакк уточняет, что скифское племя авхатов «умельцы бросать большие круги летящей петли и с помощью аркана (*laqueis*) тащить к себе отдаленных врагов» (Аргонавтика VI, 132).

Аналогичные военные практики приписывает Павсаний ранним савроматам, которые: «На попавшихся им врагов они накидывают арканы и затем, повернув лошадей, опрокидывают попавшихся в арканы» (Описание Эллады I, 21, 5).

² Выражаю свою признательность А.Ю. Алексееву за указание на эти изображения и за его ценные наблюдения.

К более поздним сведениям уже сарматского времени относится повествование Помпония Мелы, описывающего племя сираков и обычаи их воительниц-амазонок: «Женищины участвуют в конных сражениях, причем они не наносят ударов мечом, а, накинув на врага аркан, тащат его за собой, и таким образом убивают» (Описательная география I, 19, 5 / I, 103). В нартовском эпосе осетин сохранился образ воительницы на коне с арканом в руке (см. ниже).

Заслуживает внимание и один символический образ на ранней сарматской золотой поясной пряжке, выполненной в зверином стиле с инкрустацией вставок из бирюзы. На ней изображен клыкастый волк, борющийся со змеем-удавом, который накидывает ему на шею смертельную петлю, напоминающую аркан. В этом отношении весьма интересны фольклорные данные осетинского эпоса, где герой, желающий овладеть чудо-конем, вынужден сплести себе чудо-аркан из кож уничтоженных им Залийских змеев, который оказывается крепче, чем аркан, сплетенный из шести шкур буйволов (*zaljag kælmytæ fæcag 'ta jæ mæstyjæ æmæ wydon cærmittæ bastyg 'ta æmæ sæ sbydta wydonæj arqan*) [ФТ 2014: 73]³. Примечательно и то, что в

³ В предыдущей работе, посвященной некоторым вопросам, связанным с пережитками образа индоиранского бога Вайю в традиции ираноязычных кочевников, я уже предполагал видеть в зооморфном образе борющегося волка и змеи метафорическое воплощение борьбы двух антагонистических начал этого дуалистического бога: выступая змеем воплощением «злого Вайю», а волк «благого Вайю» [MYSYKKATY 2019: 327–328]. Если это предположение имеет место быть, то можно гипотетически допустить, что изначально аркан выступал в качестве атрибута в мифологии индоиранского бога жизни и смерти Вайю, от которого уже на индийской почве этот атрибут унаследовал ведийский Яма. Ведь именно Вайю являлся властелином дыхания-праны всех живых существ, прервать которое он мог именно с помощью удушающего орудия, каковым и является аркан. Важную роль в этом плане играет факт отождествления Вайю с коневодством, причем эта черта его мифологии является наиболее архаичной и фиксируется на новосвободненской фреске [о связи Вайю с конями см. MYSYKKATY 2019: 309, 312, 314, 320]. Возможно, к этим представлениям восходит и описанный Геродотом скифский особый способ жертвоприношения коней с помощью петли (ср. имя осетинского ваюга **Æfsagbid* буквально «терзающий лошадей») [Дзиццойты 1992: 211]. Примечательно, что в приведенном сказании фигурируют те самые осетинские потомки Вайю, великаны ваюги, роль которых заключается в проверке аркана героя на прочность. Порвав два первых аркана, сплетенных из буйволей кожи, им оказывается не по силам порвать аркан, сплетенный из Залийских змей (*Anæcydysty wæjgwytæ dær æmæ Qaraman dær; æmæ fæfidar is wuj, wycy arqan*) [ФТ 2014: 73]. Интересно заметить, что в эпосе «Махабхарата» сын Вайю, Бхима известен своей враждой к змеям и ракшасам, один из известных сюжетов его юности гласит о том, как Дурьодхана натравил

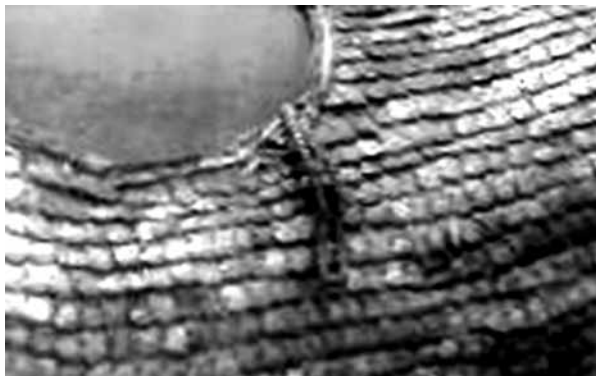
материале по древней Индии обнаруживается аналогичный предмет, именуемый *nāgapāśa* «аркан-змея». Этот атрибут богов и героев описывается в разных источниках (упомянут также в эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна»), как вид волшебного аркана, используемого в битвах и состоящего из змей или переплетенных змей [IDIR 1986: 188]⁴. Другими его синонимами в ряде случаев выступают слова *pāśapannaga*, *nāgāstra*, *nāgapāśāstra*⁵, *nāgābandha*, *citrabandha*, *sarpabandha* [EMENEAU 1960: 291–300].

Родственные сарматским племенам парфяне, во главе которых стояли выходцы из сарматского племенного союза дахов, продолжали придерживаться традиционного военного дела и применяли аркан с аналогичным мастерством, что и их северные собратья. Согласно средневековой византийской энциклопедии, парфян именуют «С арканами (Σειραῖς) — из сплетенных ремешков; и народ парфян, те которых называют «арканоносцами» (σειροφόρος). Сражаются же они с коней, вертя арканы из ремешков; приблизившись к врагам, они бросают петли из ремешков и, повернув обратно, стремительно гонят своих коней назад, и натиском тащат тех кто попались в петли мертвыми либо живьем» (Суда, sigma 278) [ср. НЕФЁДКИН 2011: 180]. Приспособление в форме петли для крепления аркана сохранилось на конском панцире из Дура-Европоса, который хранится в Национальном музее Дамаска [ХАЗАНОВ 2008: 120].

на него множество ядовитых змей, которых Врикодара убил голыми руками (причем в ряде случаев при описании этого происшествия используется термин *sarpabandha* «змеиный аркан-веревка») [Emeneau 1960: 299–300]. В «Рамаяне» другой его сын, Хануман оказывается опутанным тем самым *nāgapāśa* «змеиным арканом», от которого только ему с трудом удастся освободиться [EMENEAU 1960: 294–295]. Эти эпические мотивы, частично иллюстрирует в зооморфном виде сюжет борьбы волка и змеи, изображенный на сарматской пряжке [о связи Вайю и его сыновей с образом волка см. МЫСУККАТУ 2019].

⁴ Информация любезно сообщенная Я.В. Васильковым в личной переписке. Согласно индуистской традиции *nāgapāśa* изначально являлся одушевленным существом, персонажем мифов, превращенным в позднейшей традиции в атрибут богов и героев (шейную гривну-змею бога Шивы, аркан Дурги, стрелу-аркан Арджуны, Лакшмана, Индраджита). В ряде случаев *nāgapāśa* именуется *nāgāstra* или *nāgapāśāstra* буквально «змея-аркан-стрела», и применяется при стрельбе из лука в качестве стрелы, которая, попав во врага, превращалась в путы, от которых было невозможно освободиться (иногда в путы для ног *padabandha*; ср. этот термин с аналогичным иранским: пушт. *pulwāša* «аркан, кандалы» из **pada-bastrā-*, где вторая часть восходит к основе *band-*). Заслуживает внимания также его эпитет в буддийских текстах (включительно хотано-сакских), *amoghapāśa* «неотразимый аркан», напоминающий символический «аркан судьбы» в персидском эпосе «Шахнаме».

⁵ Касательно скифских представлений о змее-стреле и аналогий этому образу см. [АЛЕКСЕЕВ 2015].

Слева предположительно приспособление для подвешивания аркана к конскому панцирю из Дура-Европоса, Сирия. Справа образ змеи, затягивающей летальную петлю на шее волка. Сарматская золотая пряжка с бирюзовой инкрустацией, Сибирская Коллекция Петра I, Гос. Эрмитаж

Арканами пользовались не только парфяне, но и воинская знать Армении, испытавшая огромное парфянское влияние и перенявшая у них эту практику. В эпической песне о свадьбе царя Арташеса на аланской принцессе Сатиник, записанной Мовсесом Хоренаци в V в., поется о царе армян: *«И промчался быстrokрылым орлом через реку, | И метнул аркан из красной кожи, с золотым кольцом, (oskēōl šikar'ok paranri) | И обхватил стан царевны аланов»* (История Армении II, 50) [см. Дюмезиль 1976: 52].

Традиция применения аркана на войне и охоте укоренилась в Парфянской Персии настолько, что когда Сасаниды пришли на смену династии Аршакидов, то они оценили по достоинству аркан в качестве вспомогательного вооружения всадника. К слову тесный контакт византийцев с такими народами поздней античности и раннего средневековья, как аланы, сасаниды, гунны и авары, привело к включению аркана в состав снаряжения профессионального конного воина, что отразилось в трудах византийского знатока военного дела императора Маврикия: *«Седла должны быть снабжены большими покрывалами; узды хорошего качества; к седлу должны быть прикреплены два железных стремени, аркан на ремешке (λωρόσσοκου)⁶, путы, дорожная сумка достаточно большая, чтобы вмещала провизии для солдата на три или четыре дня»* (Стратегикон I, 2). Что касается сведений о сасанидских всадниках, то в данном случае изображения их изящной торевтики оказываются едва ли не более информативными, чем письменные источники. Известны по крайней мере четыре

⁶ Ср. приспособление в форме петли на конном панцире из Дура-Европоса (см. иллюстрацию выше).

сасанидских блюда, на которых изображен царь-герой, охотившийся с помощью аркана (пехл. *gyān-nizār*; перс. *kamand*), при этом пешим он изображен лишь в одном случае. На серебряном блюде из Абхазского гос. музея в г. Сухум изображен Бахрам II, охотящийся на медведя с помощью аркана; за плечами шаха виднеется лук, а под копытами его коня лежит убитый медведь⁷. На другом блюде из тебризского Музея Азербайджана помещен образ Шапура I, охотящегося на страуса или дрофу, одна птица лежит под копытами его коня, скачущего галопом, в то время как вторую всадник заарканил за шею. Третье блюдо декорировано изображением всадника, накинувшего аркан на шею онагра (дикого осла, перс. *gōr*). Этот же сюжет видим на блюде из Нижнего Новгорода (хранится в Гос. Эрмитаже), на котором представлен пеший Шапур III, арканящий за шею онагра⁸. Эти иконографические источники указывают на то, что одной рукой держался аркан, а второй — контролировался собранный в бухту запас арканного ремня. Из письменных же источников можно привести интересные сведения из пехлевийского текста «Драхт-и-Асурик», в котором говорится об аркане из козьей кожи, «*который используют во многих битвах, и он никогда не отрывается от креплений седла*» [ДМИТРИЕВ 2008: 66–68]. В «Шахнаме» известен сюжет о карательной экспедиции сасанидов против северокавказских алан, во время которой шах Хосров I Ануширван (531–578) посылает к аланам гонца с предупреждением, что к ним прибыли могучие воины, которые «*искусно владеют стрелами, булавой и арканом*» [АЛЕМАНЬ 2003: 462]. На правоту этих данных об использовании арканов всадниками времен Хосрова Ануширвана указывает историк ал-Табари, описавший полный список вооружения и экипировки сасанидского конного воина той эпохи [ТНЕОТОКИС 2018: 161]. Аркан упоминается в руках умелых всадников и в более поздних персидских произведениях, таких как «Варка и Гульшах» поэта Айюки и т.д. [ТНЕОТОКИС 2018: 161–162].

Наиболее часто аркан встречается в иранской эпической традиции, где он является неотъемлемой частью панοπлии героя. Более того, оказывается, что иранские цари отправляют на обучение обращаться с арканом к сакским героям из Систана, у которых они учатся военному делу и искусству верховой езды. К примеру, обращению с арканом обучал сакский

⁷ Согласно авестийской традиции медведи, наряду с обезьянами, считались творениями Ахримана, произошедшими от спаривания людей и дивов (авест. *daēva*)

⁸ В иранской эпической поэме «Шахнаме» есть сюжет о Акван-диве (авест. *Aka-Manah* «злой умысел»), который предстает перед главным героем Рустамом в образе буланого онагра с черной полосой от гривы до хвоста. Всадник преследует его три дня и три ночи, настигнув дива, он его арканит и обезглавливает. Не исключено, что на сасанидских блюдах существует намек на данный эпический сюжет.

Сасанидские блюда

герой Рустам персидского принца Сиявуша⁹. Арканы в поэме упомянуты наиболее часто в руках героев из Систана и врагов персов, кочевников туранцев вторгшихся из северных областей. Под туранцами исследователи справедливо видят собирательный образ северных иранцев скифо-сарматского мира, аналогично тому, как в грузинских хрониках (испытавших огромное влияние персидской письменной традиции) они выступают под собирательным этнонимом осетины (груз. *ovsni*). С помощью арканов туранцам удастся выкрасть даже именитого Рахша, коня самого Рустама.

В «Шахнаме» аркан упомянут не менее трехсот раз, обзор которых в рамках этой статьи не уместен, этот вопрос, несомненно, заслуживает отдельного исследования, замечу лишь, что аркан представлен довольно многогранно: это не только оружие, но и метафорический образ. В одних случаях арканом иносказательно названы сплетенные косы красавицы принцессы (*деве пленительной дан | Губительный, неотразимый аркан*), а в других — это образ смерти, времени, судьбы, держащей на шее каждого человека невидимый аркан, который затягивается в роковой час (*То рока обычай: одною рукой | Дарит он венец, петлю держит в другой. | Лишь сел ты на трон, торжеством осиян, | Уж с трона тебя совлекает аркан*). Аркан также используется в качестве меры длины, при этом каждое кольцо аркана соответствует одному локтю (*По десять кемеңдов, коль вымерить их*), как снаряжение для скалолазания или подъема на крепостную стену (*Накинул на башенный острый | зубец И мигом вверху очутился храбрец*) и т.д.

Но все же, в первую очередь аркан — это незаменимый атрибут систанских героев. Прадед Сухраба по имени Сам, иранскому шаху, так говорит:

⁹ В Индии принцы практиковались в применении аркана с юных лет, что являлось частью их обязательного обучения [MÜNCHEN-HELFEN 1973: 240].

Рустам арканит Аулада, иллюстрированный манускрипт эпохи Тимуридов, 1486 г. Британская Библиотека, Лондон

Слева индо-сакский царь Азес верхом на коне с арканом или петлей в руке.
Справа образ бога Ямы с арканом в руке

«Поезжу по свету, облекшись в броню, | Аркан свой закину, врагов положу», прося у него разрешение отправиться в путь. А когда Сам решает, что его место должен занять сын Заль, то объясняет это шаху тем, что «стала рука для аркана слаба». Заль тоже превращается в героя арканоносца, при его помощи он добывает себе жену Рудабу, охотится на львов и т.д. Однако именно подвиги его сына Рустама «сакского» (*Rustam-i Sagzī*, под этим эпитетом его знали в Персии, а в Армении как *Rostom Sagčik*) наиболее развернуто описаны в поэме Фирдоуси, а соответственно чаще всего аркан оказывается именно в его руках. Среди прочих подвигов с помощью аркана он овладевает чудо-конем Рахшем, убивает колдунью, побеждает Аулада, царя Дамаска, едва не пленит царя туранцев Афрасиаба, пленит хакана Чина, властителя Шама, гонит туранцев от Мугана, одолевает кешанского героя Камуса и т.д. Его сыновья тоже совершают подвиги с помощью аркана, Фарамарз с его помощью мстит кабульскому шаху за смерть Рустама, а «длины непомерной аркан» Сухраба «колец в шестьдесят», служит герою на охоте, войне и даже для поимки красавицы-амазонки Гордаферид.

Как известно, до владычества сасанидов территория Систана именовалась Сакастаном, т.е. «Страной саков», саки же это никто иные, как восточные скифы Геродота, основавшие в I в. до н.э. мощную державу на севере Индостана (индо-саки), в границы которой входили также территории персидского Систана. В этом отношении интересно заметить, что на ряде индо-сакских монет I в. до н.э. аркан выступает главным атрибутом царя, т.е. замещает традиционное изображение лука в качестве царской регалии, как это изображалось, например, на парфянских монетах династии Аршакидов. В устном фольклоре Систана аркан упоминается довольно часто [Сказки и легенды Систана 1981: 28, 165, 214, 225–226, 243–248].

Ираноязычные кочевники известные по китайским хроникам под наименованием «юэчжи», пришедшие в данный регион на смену индо-саксам и парфянам, основали могущественную империю, Кушанское царство. Китайские источники говорят, что всадники племени Куэй-Ху, на западе Кушана, «использовали арканы из сыромятной кожи, которые они, нахлестывая коней, накидывали на людей» [MÜNCHEN-HELFEN 1973: 240]¹⁰. На памятниках материальной культуры кушанов засвидетельствовано употребление ими арканов на войне, охоте (Брит.Муз. инв.№ 1880.35), в набегах (1880.52), а также в быту (1880.887): такие сцены мы видим на каменных рельефах кушанской ступы III в. н. э. из Ямаль-Гари, на самом севере Пакистана (ист.обл. Гандхара), фрагменты которой хранятся в Британском Музее. На кушанских монетах часто изображается также образ божества,

¹⁰ Ср. в «Шахнаме» упоминание сакского аркана: «Достав из ремней сыромятный аркан, | С размаха закинул его великан».

держашего аркан и трезубец, что вплотную примыкает уже к иконографической традиции Индии (Шивы-Рудры). В индуизме аркан (*pāśa*) выступает в качестве атрибута ряда богов, в частности Варуна карает им грешников, а бог смерти Яма¹¹ и богиня времени и смерти Кала¹² его используют для умерщвления живых существ¹³, что полностью перекликается с метафорами из иранской традиции о невидимом аркане времени *«от которого не увернуться ни бедняку, ни царю»*. Весьма примечательно в данном контексте, что в «Авесте», наиболее древнем иранском письменном источнике, аркан упомянут именно в качестве атрибута демонов смерти Асто-Видоту и Визарша [РАК 1997: 423], что и неудивительно в силу связи аркана с кочевым миром и авестийской повсеместной демонизации всех образов и атрибутов, связанных с кочевым бытом¹⁴.

Рассматривая данную тематику нельзя обойти стороной еще один интересный и спорный вопрос — трактовку позднеантичных римских мозаик с изображением всадников на охоте из Бордх-Джедиды, в Тунисе. Дело в том, что на сегодняшний день проблема атрибуции изображенных на них персонажей остается спорной и нерешенной окончательно. При этом одним из краеугольных аргументов (безусловно не единственным) против попыток приписать эти изображения римским всадникам [DUVAL 2002], является именно присутствие аркана в руках одного из всадников, арканившего за шею рогатого оленя на всем скаку. Как это не парадоксально, но исследователь, выдвинувший эту трактовку, данный мотив ничем не оговаривает

¹¹ Ср. в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» выражение *«Сын, прогони от себя Шакуни, уже накрытого арканом Смерти!»* [МБХ 1998: 79, 172].

¹² Ср. в Индии секту «душителей» тхагов, убивающих своих жертв удушением, принося их в жертву богине смерти Кали.

¹³ Особо ярко выступает этот символизм в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», в книге о ночном «Избиении спящих воинов» (Сауптикапарва). *«Черная, с красными глазами и пастью, в красных гирляндах, разрисованная красной мазью, облаченная в красные одежды, с арканами в руках, вихрастая, явилась им воочию Ночь Смерти, с хохотом надвигаясь (на них), грозными арканами опутывая людей, коней и слонов, влача за собой опутанных арканами бесчисленных претов с лишенными волос головами»* [МБХ 1998: 27–28]. Ночное побоище лагеря Пандавов мифологически сопоставляется с эсхатологическим мотивом Каларатри «Ночь смерти», т.е. с ночью гибели вселенной в конце мирового периода, завершающий момент разрушения мира в исходе юги. Каларатри идентифицируется с Дургой, женской ипостасью Шивы (Рудры) или его супругой [МБХ 1998: 121, 172].

¹⁴ В другой работе я пытался проследить аналогичную судьбу почитаемого у кочевников образа волка, повсеместно демонизированного в авестийской традиции и в эпической поэме «Шахнаме» [см. МЫСЫККАТУ 2019: 337–338].

и вполне охотно игнорирует лишь дважды констатируя факт его присутствия на изображении (*deux cavaliers, dont l'un capture un cerf au lasso; Le cavalier au lasso*) [DUVAL 2002: 334, 335, fig.2]. В то время, как из огромного количества сохранившихся изображений и письменных данных не известно ни одного случая применения аркана римскими или берберскими всадниками, существуют римские мозаики с изображением пеших детей и подростков, ловящих уток на петлю и аркан (Вилла Касале, Сицилия; Вилла Авиарио, Тунис и др.). Однако всадники с арканом в руке нигде, кроме как на мозаике из Бордх-Джедида на территории западной части Римской империи не известны¹⁵. Это обстоятельство заставляет вновь вернуться к предыдущей теории об изображении на этих мозаиках всадников времен Королевства вандалов, в состав которого входили и аланы, участвовавшие в Великом переселении народов (официальная титулатура короля была *rex vandalarum et alanorum* «король вандалов и алан»). Сведений об использовании аркана вандалами не существует¹⁶, более того, единственным германским племенем, пользующимся арканом, были готы¹⁷, племя, продвинувшееся наиболее далеко на восток и соседствующее в Северном Причерноморье с ираноязычными кочевниками на протяжении нескольких веков, и ощутившее на себе огромное культурное влияние с их стороны. Исходя из этих данных следует вывод о том, что на мозаике из Бордх-Джедида был изображен аланский всадник, либо то, что аланы произвели сильное культурное влияние на вандальскую элиту, члены которой, подобно готам Северного Причерноморья, стали практиковать такие аланские обычаи, как конная охота с арканом.

¹⁵ Хорошим примером применения арканов именно пешими воинами являются изображения гладиаторов лакерариев (*laquerarii*) вооруженных арканом и кинжалом, появившихся в позднеантичный период. На консуларном диптихе Флавия Анастасия Проба (перв. пол. VI в.) в нижнем регистре изображены организованные им гладиаторские игры, с участием двух пеших *laqueatores*.

¹⁶ Г. Феотокис в своей специальной работе посвященной арканам у византийцев допускает, что на данной мозаике из Туниса изображен вандальский всадник (*probably a Vandal, lassoing a deer*), противореча тем самым собственному, вполне справедливому утверждению, что только готы применяли арканы, заимствовав их от гуннов или алан (*the Goths, as they were the ones who took over the lasso from the Huns and the Alans*) [THEOTOKIS 2018: 162,168].

¹⁷ В первой половине V в. по сведениям Иоанна Малалы при помощи аркана (*σόκκαριν*), гот Ареобиндус, предводитель готских федератов (*comes foederatorum*) на службе у римлян, победил персидского чемпиона Ардазана в единоличной схватке, зарканив (*ἐσόκκευθεν*), свалил его с коня и убил (Хронография 364, 14, 23) [THEOTOKIS 2018: 157–158].

Вандало-аланский всадник с арканом. Мозаичный пол из виллы на холме Бордх-Джедид, Тунис (конец V – начало VI вв. н.э.). Хранится в Британском Музее, Лондон (инв. № 1967,0405.16)

Интересно обратить внимание и на то, что мотив охоты всадника на оленя является одним из наиболее популярных у древних кочевников, его мы часто находим на скифских, сакских и сарматских изображениях, его же видим в мифах о причинах появления гуннов и венгров в Европе. Более того, он является одним из любимых мотивов нартовского эпоса осетин, где рогатый олень — это любимая и наиболее желанная добыча для охотника. По справедливой характеристике В.И. Абаева, олень — это «излюбленное животное осетинского фольклора. Охота на оленя — это охота *par excellence*, а оленьё мясо — обязательное угощение всякого нартовского пиришества» [АБАЕВ 1949: 49]. Известен в фольклоре осетин и мотив поимки оленя с помощью аркана¹⁸. Так, к примеру, в позднесредневековой песне о Красавице-Азаухан, героиня обещает выйти замуж за того, «Кто из оленьего стада, что на Кумской равнине, | Отделит старого оленя (*sædsigon sag*), | Прогонит мимо башни Дзулат, | И, заарканув его, (*Arqan ibæl ragældzgæj*) | Привяжет к коновязи под башней Дзулат» [ПНТО 1992: 111–112]¹⁹.

¹⁸ Аналогичные мотивы встречаются и в других нартовских сказаниях, правда говорится только о поимке живого оленя или лани, но упоминания аркана в них нет [см. например НК 2010: 6].

¹⁹ Название башни подразумевает средневековый аланский город, получивший в литературе название Нижний Джулат, он был разрушен монгольскими завоевателями, затем восстановлен Золотой Ордой и вновь разрушен Тамерланом во время одного из его походов на Кавказ.

Арканы в нартовском эпосе осетин

Арканы в осетинском эпосе упоминаются не столь часто, однако и тех случаев, которые мне удалось собрать, хватает для убеждения в том, что нарты были хорошо знакомы с этим нехитрым приспособлением.

На глубокую древность аркана указывает осетинский эпический мотив о применении арканов среди древнейшего населения земли, великанов уадмеров, поколения существ, предшествующих сотворению нартов. Воскрешенный великан повествует Сослану о том, что они «ловили зверей арканом, потом убивали камнями» [СН 1978: 416]. Под великанами гумирами и уадмерами справедливо видят племена киммерийцев, предшествующих скифо-сарматским кочевникам.

В одном дигорском сказании белый конь Ацаевых советует юному Ацамазу вырыть глубокую яму и спрятаться в ней, а коня же привязать крепким арканом (*mænbæl ba fedar arqan nibbættæ*) и не выпускать из рук его конца, чтобы тот мог встать на дыбы и одолеть в поединке вражеского коня [НОГЭ 1989: 317; НК 2007: 317].

Молодой герой Саууай вторгается в далекую заморскую страну, где на равнине пасется табун пегих коней. Подскакав к табуну, он «заарканил трехгодовалого пегого жеребенка и вывел его из табуна» (*ærtæazdzyd qulon bajrag ærcaxsta æmæ jæ ralasta*), затем погнал весь табун, отбив при этом нападение отряда хозяев табуна, и пригнал его к нартам [НК 1975: 329; СН 1978: 406].

В сюжете о похищении коровы, Сослан ловит собаку Сырдона с помощью аркана: «Вдруг он увидел, побледнев от злости, | Что пес Сырдона разгрызает кости. | Сообразив, что час настал желанный, | Собаку быстро он поймал арканом» (*Wæd Sozyrygo arqan ajxldta | Æmæ dzy kwydzy wajtag'd racaxsta*) [НК 2011: 293].

Мотив поимки лошади арканом встречается в сказании «Нарты чызг». «Девушка села на свою лошадь, взяла аркан (*arqan ajsta*) и проскакала во круг стад. Железномордый конь ее увидел и погнался за ней. Девушка резко повернула своего коня и кинула аркан (*arqan fexsta*). Поймала железномордого коня и конь рухнул на землю. Девушка его притянула к себе, а затем привезла к Нартам» [МД 1996: 93]²⁰.

Герой, желающий заполучить чудо коня, советует младшему товарищу заарканить коня (*Arqanbast æj bakæn*), чтобы тот не ударил его головой [НК 2012: 492].

²⁰ Ср. выше информацию о сарматских амазонках убивающих врагов с помощью аркана и резкого поворота каня.

В другом сказании говорится, что «*нартовский муж сел на арабского (коня), взял аркан, размахнулся им и поймал зубра*» (*nærtõn læg... arabbagyl ysbadti, arqan rajsta, nyzzyltdta jæ æmæ dombaju ærcaxsta*) [АБАЕВ 1958: 69].

Многочисленные конные табуны Маргуза Безносого стерегут пастухи, которые вооружены специальными приспособлениями для коневодства (*Qojraxti hæссæ, arqanti hæссæ*) [НК 2010: 500]. Слово *qojraxti* комментаторы издания толкуют как «какое-то приспособление для ловли коней» [НК 2010: 709]. Прояснить значение слова помогает его этимология. Слова *qojrax* в осетинском на самом деле нет, но есть *qorrağ | qojrağ* со значением «шест с крючком», восходящее, через адыг. *qorağ* «шест с крючком» и кабар. *qūrag* «шест», к кумыкскому *quraγ* «жердь» [АБАЕВ 1973: 312]. По сути перед нами известное у тюрко-монгольских кочевников приспособление для поимки пасущихся коней, состоящее из длинного легкого шеста, на который прикреплялся аркан с открытой петлей на его конце (монг. *uurga*, татр. *uquruk*, русс. *укрюк*).

Как и следовало ожидать, в юго-осетинском эпосе о Даредзанах, главными героями которого выступают такие персонажи персидского эпоса, как могучий Ростом, часто используют аркан для военных нужд, для ловли коней, в качестве снасти для скалолазания при выходе из глубокого колодца и т.д. [ФТ 2014: 23, 25, 32–33, 49, 72–73]. Напротив, в опубликованных вариантах сказаний эпоса о Царциатах аркан не упоминается [ЦТ 2007].

Аркан также упоминается довольно часто в вариантах сказаний о нартах балкаро-карачаевцев [НГЭБК 1994: 366, 381, 399–400, 450, 537, 539, 540, 543, 593, 596, 598], адыгов [НАГЭ 1974: 221, 224, 289, 316; НАЭ 2017: 73, 182, 194, 266, 268, 354, 388, 409, 449], также кабардинцев [НКЭ 1957: 252, 291]²¹, племен сохранивших, в отличие от осетин, достаточно высокий уровень культуры коневодства после эпохи монгольских завоеваний. В то же время, в вариантах ингушей и чеченцев аркан не встречается²².

Аркан в этнографии, фольклоре и народной литературе осетин

Кроме нартовского эпоса, арканы встречаются в народных сказках осетин. Так в одной сказке семеро братьев с помощью арканов (*arqanæj arxajunc*) пытаются поймать себе чудо коней, но ни одному из них это не удается [ОНС 2006: 70; ЁМБАЛТЫ 2009: 113]. В другой сказке арканом

²¹ Выражаю благодарность К. Рахно, любезно указавшему на этот источник.

²² Лишь единственный раз в метафорическом смысле, при этом в значении не «петля для поимки», а «толстая веревка» [ДАЛГАТ 1972: 74; ср. этот же оборот в НГЭБК 1994: 414, 381, 422, 423, 463].

владеет старик, помогающий герою [Ёмбалты 2009: 70]. Бедняк по имени Батраз умудряется заарканить бросившегося на него тигра [ВБ 1976: 52]. В другом случае герой рассуждает: «*кинуть ли на него аркан, но он, пожалуй, не достанет*» (*obæl max arqan gældzæn æta nin ibæl ku næ raqæta*) [АБАЕВ 1958: 69]. В сказке про бедняка и ангела смерти, аркан метафорически представлен в образе старости, туго стягивающей ноги старца Ермана [ФАРНИЕВ 2005: 69]. Аналогичным образом С. Фарниев в стихотворной форме передает смысл народной мудрости, правда в этом случае аркан выступает метафорой нужды, свирепо стянувшей шею беднякам-горцам [ФАРНИЕВ 2005: 307]²³.

В новеллистической сказке «*Æнæивгæ сом*» говорится о богатом злодее, задумавшем сделать себе аркан, сплетенный из ремешков человеческой кожи, содранных со спин его провинившихся работников (*adæjmag ærqwydy kodta lædžy carmæj arqan sarazyn*) [ОНС 2010: 70; Ёмбалты 2009: 113].

В.И. Абаев приводит также ряд примеров с упоминанием аркана в народной литературе «*лошадь наслась на аркане между покосом и пастбищем*» (*bæx arqanæj xiztæj igwærdænæj særvæti 'xsæn*) [АБАЕВ 1979: 88]; «*тогда я собственной рукой уволоку тебя на аркане*» (*wæd dæ mæxi kuxæj arqanæj alasdžynæn*) [АБАЕВ 1973: 14].

В народной поэзии нередко встречается образ аркана в прямом и в метафорическом смысле. У Харитона Плиева говорится о том, что сама Осетия в юном возрасте вручила в руки герою аркан, чтобы тот мог ловить коней и участвовать в скачках (*Mæ Ir...Nyssag 'taj myn arqan mæ k'uxy*) [ПО 2012: 164]. У Александра Царукаева же читаем образ небесного грома, набрасывающего длинный аркан подобный цепи из раскаленного металла (*Ærvnærd myl darg 'arqan tyxta syrxyzung ræxysaw*) [ПО 2012: 237]²⁴.

В героической «*Песне об Асламбеге*» герой, планирующий набег для угона скота из Балкарского ущелья, просит привести к нему алагирского кавдасарда Дзарахмата, «*вместо волосяного аркана (qisyn arqanæj bæsty)*»²⁵. Собиратель фольклора Амбалты Цоцко уточнил в примечании к записанной

²³ Ср. аналогичные метафоры в авестийской традиции.

²⁴ Ср. в эпосе балкарцев и карачаевцев сведения о том, что огненный аркан героя Ёрузмека — это молния, «*которую он бросает на врагов. [Иногда] аркан, сорвавшись, достигает и земли*» [НГЭБК 1994: 596]. Ср. также мифологический образ осетинского громовержца Уациллы, арканившего змея Руймона раскаленной небесной цепью, отождествляющей молнию (см. изображение этого мифа на позднеаланской каменной Этокской стеле Дука-Бек)..

²⁵ Эта неясная фраза допускает также перевод «*связанным волосяным арканом*», однако в таком случае не совсем понятно, с какой целью Цоцко Амбалты приводит довольно длинный комментарий про способность Дзарахмата ловить коней без аркана.

Осетинский всадник Абай Алборов во всеоружии и с волосяным арканом в руках. Худ. М.С. Туганов

песне, что Дзарахмат был таков, что не нуждался в аркане для поимки коней (*wuj axsta ænæ arganæj*), он хватал их за шею и так ловил [ИАС 2007: 533]. Таким образом, становится очевидным, что ловля лошадей без аркана была по силам далеко не всем [ср. Сланов 2007: 93], поэтому собственно имя неимущего кавдасарда Дзарахмата и сохранилось в народной памяти, благодаря его неординарной способности.

В горской песне «Княгиня Даум», повествующей о набеге кабардинцев на Донифарс, говорится, что когда Асланбек Кайтукин и его двоюродный брат Татархан Бекмурзин предприняли очередной набег на дигорцев, то печальным итогом этого провального предприятия стало, что «Алисултана в шашлык изрубили... последнего потомка Шаугенуковых: Женчека арканом удавили» [ПЭО 1989: 103]. Из текста песни следует, что дигорцы продолжали применять аркан в военных действиях еще в XIX в.

Заслуживает внимания и предание о народном герое Чермене (кавдасарде Тулатовых), записанное на русском языке. В нем говорится о том, как Чермен собирал пошлину для князей Тулатовых на Дарьяльской дороге. Однажды во время его отсутствия проехал грузинский князь, не пожелавший платить за проезд и применивший силу против товарищей героя на заставе. Когда Чермен вернулся и узнал о происшествии, то погнался за нарушителем, «догнал его, заарканил, связанным доставил на сборочный пост...» [Бзаров 1993: 56].

Осетинский косарь
в горах.
Худ. В. Лермонтов

Интересные этнографические сведения об арканах приводит в своей работе «Ирон фарн» Измаил Айларты. Согласно его сведениям арканы плелись из крепких материалов, затем они мялись и разминались. Волосяные арканы, сделанные из конского волоса, были легче в применении. Конец аркана привязывался с правой стороны луки седла. Ловили им с близи на полном скаку, при чем как всадника, так и голову коня. Освободиться от наброшенной на голову петли было практически невозможно, лошадь спотыкалась, а наездник выпадал из седла. Арканами во время войны орудовали также пешие. Другими пользователями арканов были разбойники, которые ловили живьем своих жертв, поджидая путников в засадах у дорог. Весьма интересны и сведения о том, что осетины также пользовались арканами с железными крюками вместо петли (*æfsæjnag k'ændzytæ, k'æpsyrtae*)²⁶. Благодаря этим приспособлениям можно было забраться на стену или отвесную скалу, закидывая аркан наверх, чтобы железный крюк зацепился за камень и таким образом залезть по намеченному месту [Айларты 1996: 509].

По сведениям М.А. Цаллагова, после одного из сражений Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., после приказа командующего, осетинские всадники с неохотой покидали поле боя, а многие «*ломонгольски тащили на аркане пленных*» [Цаллагов 1967: 108].

Сохранили навык охотиться с арканом и аланы-ясы, переселившиеся в XIII в. в просторную Венгрию. Существуют сведения о том, что на венгерском Альфёльде (Паннонской низменности, где оседали и аккумулировались сарматские и аланские эмигранты еще с I в. н. э. и где по приказу короля Белы IV поселились средневековые ясы и куны), конные пастухи вели охоту на волков и других хищных зверей с помощью арканов [Калоев 1994: 142].

²⁶ В этом отношении нельзя не упомянуть об изображении боевого крюка, подвешенного на поясе, на средневековой каменной стеле из Западной Алании (Ст. Исправная, КЧР). В.А. Кузнецов и Т.М. Минаева допускают видеть боевой крюк «для *сталкивания противника с лошади*» [Кузнецов 2015: 41–42]

Заключение

На протяжении нескольких тысячелетий аркан не терял свою актуальность в силу своей незатейливой конструкции, низкой стоимости в изготовлении и огромного спектра сфер, в которых он мог быть применен. Древние писатели упоминали аркан в руках скифов, сарматов и алан преимущественно в связи с грабительскими набегами и военными конфликтами, что и неудивительно в силу того, что авторы описывали в подавляющем большинстве случаев именно важные происшествия, оставляя без внимания мирную сторону быта малоинтересующих их кочевников. На самом же деле, как это показывает в частности этнографический и фольклорный материал, предкам осетин аркан служил конечно же, в первую очередь инструментом скотоводческого хозяйства. Его употребляли для поимки и контроля крупного рогатого скота и в основном лошадей, свободно пасущихся на безграничных знойных просторах степей и равнин, а также на свежих горных плато Северного Кавказа. Кроме того, аркан применялся аналогичным образом и на охоте, особенно на крупную дичь, такую как олень. Служил он также отличным инструментом страхования человека при реализации вынужденных экстремальных передвижений, будь то переправа через бурную реку, взбирание на скалу, спускание по отвесным или скользким поверхностям, например, на ледниках в высокогорных местностях, при добыче упавшей со скал туши подстреленного зверя, когда приходилось косить сено на опасных отвесных участках и т.д.

Письменные, этнографические и фольклорные данные указывают на то, что аркан крепился особым приспособлением, наподобие ремешка, к правой стороне седельной луки, по некоторым сведениям его конец мог прикрепляться к седлу, в нужный момент всадник брал его в обе руки, левой удерживая поводья и бухту свитых витков аркана, а правой — размахнувшись с плеча закидывал петлю на жертву.

Более того, материал указывает на то, что арканы бытовали самые различные, как по материальной своей составляющей (сплетенные ремешки из кожи (козьей, оленьей, конской, бычьей, змеиной, даже человеческой); из полосок особой ткани; из конских жил обтянутых сверху тонкой кожей; волосяные из конских грив и хвостов, иногда вперемешку с человеческим волосом; из нитей грубой козьей шерсти; из волокон конопли и т.д.), так и по своему конструктивному исполнению (плетенные; скрученные; с металлическим, костяным или каменным кольцом; с кожаным ушком особой конструкции вместо кольца; с рукояткой на конце для удержания; с шестом, с железным крюком).

К этимологии осетинского наименования аркана

Осетинское наименование аркана, подобно кавказским и восточноевропейским его названиям, восходит к тюркскому слову *arqan*. Однако предполагать, что предки осетин не были знакомы с арканом до контактирования с тюркскими народами, не приходится. Как было изложено выше, буквально все племена ираноязычных кочевников, особенно аланы, умели мастерски обращаться с арканом.

Что же касается его названия, то вытеснение исконного его наименования во времена гегемонии тюркоязычных племен в степях Евразии можно рассматривать, как вполне закономерное явление, обновления лексического фонда средневекового аланского языка²⁷. Ведь в осетинском языке заимствования из тюркских, после кавказских, занимают второе по численности место. Могло это произойти в частности при освоении, например, более совершенного или нового типа аркана, бытующего у одного из тюркских племен, с которым вошли в тесный контакт аланы на определенном историческом этапе. Вполне допустимо, что этот процесс начался уже с появлением гуннов, открывших эпоху тысячелетнего владычества тюрков в степях. Гунны, прибывшие в Восточную Европу с такими новинками своего времени, как сложносоставным луком гуннского типа, поразившим современников бронейностью и дальностью стрельбы. Вероятно, аналогичным образом гуннский аркан²⁸ отличался технологическим улучшением от предшествующих моделей, бытующих у алан, что повлекло его освоение, неизбежно вместе с его тюркским наименованием.

Тюркское слово, надо полагать, пришло на смену идентичному значению иранского слова. Если тюрк. *arqan* означает в первую очередь «толстая веревка», «канат», «аркан» то вполне логично полагать, что аланское

²⁷ Аналогичным образом в курдском языке, кроме курд. *fitrāk* «аркан», в этом значении выступают и синонимы типа: *kamand* (из перс. *kamand* «аркан») *xarbōq* (вторая часть восходит к тюрк. *boγ* «узел») [ЭСКЯ 2010: 432, 450]. В персидском наряде с *kamand* встречается перс. *rabqa, ribqa* «петля, аркан, лассо», более позднее заимствование из арабского *ribq* «лассо», *ribqa* «лассо, петля» [ЭСКЯ 2010: 197].

²⁸ Л.Н. Гумилев считает аркан едва ли не главным оружием гуннов. О гуннских арканах неоднократно упоминают античные авторы (Иоанн Эфесский VII, 26, 8; Иоанн Малала 438, 18, 21). Аммиан Марцеллин пишет, что они «набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы опутать члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком» (XXXI, 2, 9). Костяные и каменные блоки от арканов были обнаружены в некоторых гуннских погребениях [Хазанов 2008: 120].

слово, возможно, имело изначально именно это значение. Интересно, что осетинское этнографическое определение аркана трактуется как *xæston bændæn* «военная» или «боевая веревка» [АЙЛАРТЫ 1996: 509]. Примечательно, также, что в адыгских вариантах эпоса о нартах аркан называется *аркъэн КIансэ* «аркан-веревка» [НАГЭ 1974: 263, 266]. В курдских текстах известно аналогичное выражение: «Пусть молодежь кроме сабель, щитов и пик приготовит еще и веревочные арканы (*warised xarboqa*), чтобы набрасывать их им (врагам) на шею и тащить» [ЭСКЯ 2010: 432, 450]²⁹.

В осетинском веревка именуется *bændæn*, которое восходит к иран. **bandana*, имеющему аналогию в др.инд. *bandhana* «веревка» [АБАЕВ 1958: 250], оба они восходят к и.-е. **bhendh-* «связывать, завязывать, привязывать». В древних текстах Индии др.инд. *bandhana* выступает в качестве полного синонима слову *pāśa* «аркан» [IDIR 1986: 217]³⁰, при этом обнаруживаются даже синонимичные мифологические названия типа *nāgapāśa*, *pāśapannaga*, *nāgābandha*, *sarpabandha*³¹, в которых слова *pāśa* и *bandha* замещают друг-друга [IDIR 1986: 188; EMENEAU 1960: 291–300].

Более того, обнаруживаются аналогии и в иранских языках, в частности, в восточно-иранском языке пуштунов Афганистана, близкородственном языку скифов, сарматов и алан. Такие слова, как *wāš* «веревка (из козьей шерсти, волоса); аркан»; *pulwāša* и *palwāša* «аркан, кандалы; петля для пуговицы», восходят, через **bastrā-*, к той самой иранской основе

²⁹ Выражаю свою благодарность К. Рахно за ценные наблюдения и присланные редкие издания.

³⁰ Выражаю свою глубокую благодарность Я.В. Василькову за указание на эту работу и ценные наблюдения.

³¹ Касательно термина *sarpabandha* Ю.А. Дзицойты в личной переписке высказал интересную мысль, позволяющую реконструировать еще одно вероятное осетинское наименование аркана. Слово *ærvædzæg* «петля, узел», в словаре В.И. Абаева осталось без этимологии (~ *Происхождение не ясно*) [АБАЕВ 1958: 183]. Во второй его части, несомненно, скрывается слово *sæg* «петля; кольцо; звено в цепи». Первая же его часть *ærvæ-* может восходить к реконструированной основе **harpa-* «змея» и означать нечто, «завязанное подобно кольцу змеи», т.е. подобно змее, свернувшейся в кольцо, что напоминает аркан, сложенный в бухту. Основа **harpa-* реконструируется из *sarpa-*, т.к. др.инд. *s-* в позиции перед *a* в др.иран. регулярно соответствует фонеме **h-*, которая в др.осет. именно в этой позиции регулярно утрачивается. Др.иран. **rp* в осет. дает *-rv-* (*carv* «топленое масло» из **čarpa-* [ЭСИЯ 2003: 233]. Примечательно, что во всех приведенных В.И. Абаевым примерах, это слово либо выполняет функцию аркана, либо сопровождается словом «веревка» (*bændæn jæ xurxyl ærvædzæg aværdta* «накинула на горло петлю веревки»; *Tærqani bæxi ærvægæg bastæj fejjaftan* «лошадь Таркана мы застали привязанной петлей») [АБАЕВ 1958: 183].

*¹*band-* : *bad-* «связывать, завязывать; привязывать» [ЭСИЯ 2003: 68, 77]. Интересно заметить, что пуштунскому *wāš* соответствует осет. *bos* «перевязь, шнурок», что позволяет предполагать для осетинского связь понятия «аркан» с другим производным основы *band-*, каковым вполне вероятно являлось слово *bændæŋ*.

Таким образом, реконструированное скифо-сарматское наименование этого архаичного предмета быта в форме **bændæŋæ*, восходит к индоиранской эпохе, т.е. ко временам первых конных наездников Евразии, которые в своей обыденной жизни вряд ли могли обходиться без арканов. Недаром именно у народов индоиранской ветви аркан занял важное положение в военном деле, охотничьем промысле, скотоводческом хозяйстве, а также в мифологическом и религиозном символизме и иконографии.

Продолжая данную логическую цепочку, трудно не обратить внимание на то, что веревка в осетинском языке часто именуется *qisbændæŋ* или *qis sinag*, букв. «волосяная веревка», что находит параллель в фольклорном эпитете аркана (*qisyn arqan* «волосяной аркан»). Примечательно, что именно с таким волосяным арканом в руке изобразил Махарбек Туганов осетинского всадника Абая Алборова на одной из своих этнографических зарисовок (см. выше). Согласно же этнографическому материалу конские путы, арканы и веревки плели из волос подстриженных грив и хвостов молодых жеребцов стригунов [КАЛОЕВ 1993: 76, 83], из грубой козьей шерсти (ср. пушт. *wāš*) или из волокон конопля [Осетины 2012: 132, 182].

В силу вышесказанного интересно обратить внимание и на тот факт, что веревка входила в состав обязательных предметов быта, которые должен был получить в наследство при его отделении от отцовского дома каждый незаконнорожденный сын феодала (ир. *kævdæsarð*, диг. *kumaj'ag*) [БЗАРОВ 2000: 160; БЗАРОВ 1988: 52, 112]³². Возможно, в этом позднем обычае отражается пережиток архаичных представлений о необходимости веревки-аркана в ведении хозяйства скотовода.

ЛИТЕРАТУРА

ЁМБАЛТЫ 2009 — Ёмбалты Ц. Удварны хæзнатæ / Чыныг сарæзта Соттиты Р. — Дзауджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфифон куыстуат.

АБАЕВ 1949 — Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Л.–М.: Наука.

АБАЕВ 1958 — Абаев В.И. Историко-Этимологический словарь осетинского языка, Том 1, М.: Наука.

АБАЕВ 1973 — Абаев В.И. Историко-Этимологический словарь осетинского языка, Том 2, М.: Наука.

³² Ср. выше аркан Чермена.

- АБАЕВ 1979 — Абаев В.И. Историко-Этимологический словарь осетинского языка, Том 3, М.: Наука.
- АЙЛАРТЫ 1996 — Айларты И. Ирон фарн: Ирон адамы цардыуаг æмæ æгъдауттæ. Дзæуджыхъæу: Ир.
- АЛЕКСЕЕВ 2015 — Алексеев А.Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / [отв. ред. С. И. Лукьяшко]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН.
- АЛЕМАНЬ 2003 — Алемань А., Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер.
- БЗАРОВ 1988 — Бзаров Р.С., Три осетинских общества в середине XIX века, Орджоникидзе: Ир.
- БЗАРОВ 1993 — Бзаров Р.С. История в осетинском предании: Сюжет о Чермене. Владикавказ: Ир.
- БЛИЕВ, БЗАРОВ 2000 Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир.
- ВБ 1976 — Волшебная бусина. Осет. народные сказки. Сост. Калоев Г. З. Худ. М. Джикаев. Орджоникидзе: Ир.
- ДАЛГАТ 1972 — Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Москва: Наука.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1992 — Дзиццойты Ю.А., Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания.
- ДМИТРИЕВ 2008 — Дмитриев В.А. Всадники в сверкающей броне: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн // *Militaria Antiqua* 12. СПб.: Петербургское востоковедение.
- ДЮМЕЗИЛЬ 1976 — Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука.
- ИАС 2007 — Ирон адамон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Фыццаг том. / Чиныг саразта Салаэгаты З. Дзæуджыхъæу: Ир.
- КАЛОЕВ 1993 — Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М.
- КУЗНЕЦОВ 2015 — Кузнецов В.А. Ясы и куны Венгрии. Владикавказ: Проект-Пресс.
- МАЧИНСКИЙ 1978 — Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Вып. II. Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова. Л.: ЛГУ.
- МБХ 1998 — Махабхарата. Книга десятая Сауптикапарва (Книга об избииении спящих воинов); Книга одиннадцатая Стрипарва (Книга о женах). Пер. с санскр. и коммент. С. Л. Невелевой и Я. В. Василькова. М.
- МД 1996 — Журнал Мах Дуг. 1996. № 7.
- НАГЭ 1974 — Нарты. Адыгский героический эпос. М. Наука.
- НАЭ 2017 — Нарты адыгский эпос. Второй том. Озырмес, Баграз, Ашамез. Нальчик: ИГИ КБНЦ.

- НГЭБК 1994 — Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М. Наука.
- Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (поданным античных источников). — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор — История.
- НК 1975 — Нарты кадджытæ. Нывг. Тугъанты М. æмæ Хъаныхъуаты У. Орджоникидзе: Ир.
- НК 2010 — Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 5 Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ.
- НК 2011 — Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 6 Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ.
- НК 2012 — Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 7 Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ.
- НКЭ 1957 — Нарты: кабардинский эпос / Перевод Веры Звягинцевой Семена Липкина, Сергея Обрадовича, Марии Петровых и Веры Потаповой. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- НОГЭ 1989 — Нарты, Осетинский героический эпос в 3-х книгах, Москва, Том 2.
- ОНС 2006 — Осетинские народные сказки. Составитель и переводчик Т. А. Саламов. Владикавказ.
- ОНС 2010 — Осетинские новеллистические сказки. Книга 1. Составитель Т. А. Хамицаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ.
- Осетины 2012 — Осетины / Серия Народы и культуры. М.: Наука.
- ПНТО 1992 — Памятники народного творчества осетин, Т. 1, Трудовая и обрядовая поэзия, Сост. Хамицаева Т.А., Владикавказ: Ир.
- ПО 2012 — Поэзия Осетии. Составитель и автор кратких биографических сведений Ахсар Кодзати. Ирыстыны поэзи. Чыныг сарæзта æмæ цыбыр биографион зонæнтæ ныффыста Хъодзаты Ахсар. Дзæуджыхъæу: Веста.
- ПЭО 1989 — Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИ.
- Рак 1998 — Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.
- Сказки и легенды Систана 1981 — Сказки и легенды Систана. А.Л. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский, А.Н. Болдырев. М.: Наука.
- Сланов 2007 — Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. — Владикавказ.
- СН 1978 — Сказания о нартах. Осетинский эпос. Перевод с осетинского Ю. Лебединского. М.: Советская Россия.
- Фарниев 2005 — Фарниев С. Осетинские народные сказки в пересказе Сулеймана Фарниева. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева.
- ФТ 2014 — Фыдыуæзæджы таурæгътæ: кадджытæ, аргъæуттæ, зарджытæ / сост. Кокайты Т.А., Дзæуджыхъæу: Ир.
- Хазанов 2008 — Хазанов А.Н. Очерки военного дела сарматов. 2 изд. СПб.: Изд. СПбГУ.
- Цаллагов 1967 — Цаллагов М.А. На войне дунайской, документальная повесть. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.

ЦТ 2007 — Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос / Чиныгсарæзта, разныхас æмæ йын фиппаинагтæ ныффыста Тахъазты Фидар. Дзæуджыхъæу.

ЭСИЯ 2003 — Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. b-d. Сост. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. М.: Вост. лит.

ЭСКЯ 2010 — Этимологический словарь курдского языка. 2 т. Сост. Р.Л. Цаболов. Институт востоковедения РАН. М.: Вост. лит.

DUVAL 2002 — DUVAL N. Deux mythes de l'iconographie de l'antiquité tardive. La villa fortifiée et le «chasseur vandale» // Humana sapit: études d'antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini. Turnhout.

EMENEAU 1960 — Emeneau M.B., NĀGAPĀŚA, NĀGABANDHA, SARPABANDHA, AND RELATED WORDS // Bulletin of the Deccan College Post-Graduate and Research Institute Vol. 20, No. 1/4. Pune.

IDIR 1986 — Iconographic Dictionary of the Indian Religions: Hinduism, Buddhism, Jainism. Asian Arts and Archaeology Series 5. 2nd ed. Delhi: Sri Satguru, 1986.

MAENCHEN-HELFFEN 1973 — Maenchen-Helfen O. J. The world of the Huns. University of California Press.

MYSYKKATY 2019 — Mysykkaty B. Wæjyg // Nartamongae, The journal of Alano-Ossetic Studies, Vol. XIV № 1–2, 2019. Paris-Vladikavkaz: Project-Press.

THEOTOKIS 2018 — Theotokis G. Σώκος — an unusual Byzantine weapon // A military history of the Mediterranean Sea: aspects of war, diplomacy and military elites. Edited by Georgios Theotokis, Aysel Yıldız. Leiden; Boston: Brill.